

Содержание

Вступление	9
О чем мы молчим с моей матерью (Мишель Филгейт)	15
Страж и хранитель моей матери (Кэти Ханауэр)	27
Тесмофории (Мелисса Фебос)	57
Ксанаду (Александр Чи)	84
Переулок Минетта-Лейн, 16 (Дилан Лэндис)	101
Пятнадцать (Бернис Макфадден)	134
Не осталось ничего недосказанного (Джулианна Бэгготт)	146
Все та же старая история о моей маме (Линн Стеджер Стронг)	158
Как же все это по-американски (Киезе Лаймон)	170
На материнском языке (Кармен Мария Мачадо)	180
Ты слушаешь? (Андре Асиман)	193
Брат, не одолжишь ли мелочи? (Сари Боттон)	209
Ее плоть — моя плоть (Найоми Мунавира)	222
Все о моей матери (Брэндон Тейлор)	253
И на холме настиг меня страх... (Лесли Джемисон)	272
Иногда молчание — знак заботы (Кристина Гептинг)	318
Благодарности	327
Об авторах	329

О чем мы молчим с моей матерью

Мишель Филгейт

Лакуна: незаполненное пространство или интервал, промежуток

Наши матери — наш первый дом, и поэтому мы всегда стараемся вернуться к ним. Чтобы вспомнить, каково это — иметь место, которое некогда было нашим. В которое мы идеально вписывались.

Мою маму сложно узнать поближе. Точнее, я ее знаю и в то же время совершенно не знаю. Так и вижу ее длинные каштановые с проседью волосы, которые она отказывается обрезать, в руке — стакан водки со льдом. Но если я попытаюсь вызвать в памяти ее лицо, я тут же вспоминаю ее смех, деланный смех, которым она словно пытается доказать что-то, вспоминаю ее натужную жизнерадостность.

Несколько раз в неделю она публикует на своей страничке в Facebook соблазнительные фото еды. Такос со свиной и маринованным красным луком, полоски вяленой говядины только что из коптильни, стейки, которые она подает с овощами на пару. Всё это блюда моего детства; иногда вычурные, иногда простые, но сытные. Но все они вызывают у меня в памяти образ отчима: красноту его лица, красную кровь на тарелке. Он использует кухонное

полотенце, чтобы отереть пот со щек; его рабочие сапоги покрыты древесными опилками. Его слова ранят меня; они словно зубцы вилки, застрявшие в наполовину сдувшемся воздушном шарике.

— Ты — единственная причина всех проблем в моем браке, — говорит он. — Ты, чертова сука. Я тебя прихлопну.

И я боюсь, что так он и сделает, когда я буду лежать в постели, навалится на меня всем телом, вдавливая меня в матрас, пока тот не разверзнется и не поглотит меня.

Теперь мама бережет свои кулинарные умения для мужа. Она сервирует ему ужин в их доме на ферме или в городской квартире. Теперь моя мама больше не готовит для меня.

* * *

Моя комната — типичная комната подростка. Она обклеена журнальными разворотами Teen Beat* и выцветшими портретами Леонардо Ди Каприо и Джейкоба Дилана, сделанными на струйном принтере. Клочки собачьей шерсти взмывают в воздух, стоит легкому ветерку подуть в открытое окно. И неважно, как часто мать пылесосит, эта шерсть повсюду и ее становится все больше.

На моем письменном столе разбросаны учебники, едва начатые письма, ручки без колпачков, высохшие фломастеры и огрызки карандашей. Я пишу, сидя на деревянном полу, спиной упираясь в жесткие ручки комода красного

* Teen Beat — журнал для подростков, выпускавшийся с 1967 по 2007 год.
Прим. перев.

цвета. Мне неудобно, но что-то в этой позе, заставляющей меня находиться в постоянном напряжении, дает мне ощущение покоя.

Мои стихи ужасны, но в минуту подросткового тщеславия они кажутся мне гениальными. Стихи о разбитом сердце, о том, что меня никто не понимает, стихи о том, что меня вдохновляет. Я их распечатываю на бумаге с изображением пляжа и заходящего солнца и называю свой сборник «Летний снег».

Пока я пишу, отчим сидит за своим письменным столом прямо возле входа в мою комнату. Он работает за ноутбуком, но всякий раз, когда раздается скрип его кресла или он начинает двигаться, мой желудок сжимается от ужаса, который поднимается выше, к самому горлу. Я держу дверь в комнату закрытой, но это не важно, потому что мне все равно запрещено запирается.

Вскоре после того, как отчим женился на матери, он сделал для меня простую шкатулку для украшений, теперь она стоит на моем комод. Дерево гладкое на ощупь, блестящее. На поверхности нет ни одной вмятины или бороздки. В этой шкатулке я храню поломанные ожерелья и безвкусные браслеты. Те вещи, о существовании которых я хочу забыть.

Подобно этим безделушкам в шкатулке, в своей комнате я тоже могу притворяться, что существую или не-существую; я могу быть собой и не-собой. Я исчезаю, погружаясь, как в черные дыры, в мир книг. А когда мне не удастся сфокусироваться, я часами лежу на двухъярусной кровати, надеясь, что мне позвонит мой бойфренд и спасет меня

от моих мыслей. Спасет меня от мужа моей матери. Но телефон не звонит. И эта тишина угнетает. У меня окончательно портится настроение. Я внутренне сжимаюсь, укладывая грусть поверх беспокойства, а его — поверх своих грез.

* * *

— Назови две вещи, которые заставляют возвращаться земной шарик. — Отчим задает мне свой излюбленный вопрос. Мы с ним в его слесарной мастерской в подвале, на нем рабочие сапоги, старые джинсы и потертая футболка. От него несет виски.

Я знаю ответ. Знаю, но не хочу ничего говорить. Он пристально смотрит на меня в ожидании, я вижу морщины вокруг его полуприкрытых глаз, он дышит мне в лицо перегаром.

— Секс и деньги, — бросаю я. Слова словно горячие уголья у меня во рту, тяжелые, постыдные.

— Верно, — отвечает он. — Если ты будешь со мной особенно, особенно мила, я, возможно, устрою тебя в ту школу, в которую тебе так хочется.

Он знает, что я мечтаю обучаться актерскому мастерству в SUNY Purchase*. Когда я на сцене, я совершенно преображаюсь, оказываюсь в какой-то другой, не своей жизни. Я становлюсь кем-то, у кого проблем еще больше, но все их можно разрешить к концу вечера.

* SUNY Purchase (State University of New York at Purchase) — один из тринадцати общеобразовательных колледжей Нью-Йорка с уклоном в гуманитарные науки. *Прим. перев.*

Мне хочется выбраться из подвала. Но я не могу просто так оставить отчима. Мне не разрешено так просто уходить.

Свет лампочки, не прикрытой абажуром, превращает меня в персонажа фильма нуар. Воздух здесь, в подвале, холоднее, тяжелее. Помню, как-то раз в прошлом году отчим припарковал свой грузовик на берегу океана и положил мне руку на внутреннюю поверхность бедра, проверяя, как далеко можно зайти. Я попросила, чтобы он отвез меня домой. Он не отреагировал, заставив томиться полчаса в тягостном ожидании. Когда я рассказала о случившемся матери, она не поверила.

И вот он возвышается надо мной, его руки змеятся у меня за спиной. Снова вспоминаются зубцы вилки, но на этот раз они протыкают шарик и воздух выходит полностью. Отчим мягко шепчет мне на ухо:

— Пусть это останется между нами. Матери ни слова. Поняла меня?

Но я не понимаю. Он щиплет меня за задницу. Обнимает меня так, как отчимы не должны обнимать своих падчериц. Его руки словно черви, а мое тело — грязь.

Мне удастся вырваться, и я убегаю наверх. Мама на кухне. Она все время на кухне.

— Твой муж лапал меня за задницу, — выпаливаю я.

Она медленно кладет деревянную ложку, которой мешает еду, и идет вниз. Ложка вся перемазана красным соусом для спагетти.

Позже она заходит ко мне в комнату, где я лежу, свернувшись клубочком.

— Не переживай, — говорит она. — Он просто пошутил.

* * *

Как-то раз — дело было несколько лет назад — я выхожу из школьного автобуса. Дорога от остановки до моего дома всегда вызывает у меня напряжение. Если я вижу красный, цвета спелого помидора, пикап, принадлежащий моему отчиму, это означает, что он дома и мне придется быть там с ним вдвоем.

Но сегодня грузовика нет. Я одна. Какая роскошь! На столе в кухне стоит кофейный торт, который испекла мама. При виде крошек коричневого сахара у меня текут слюнки. Я набрасываюсь на него — каких-то пара секунд, и половины божественного десерта как не бывало.

И тут мой язык начинает пощипывать — первый признак анафилактического шока. Я к этому уже привыкла и знаю, что нужно делать: взять жидкий бенадрил и позволить искусственному вишневному сиропу покрыть язык, который раздувается, как рыба, блокируя мне дыхательные пути. Я начинаю задыхаться.

Но у нас дома есть только таблетки. А они рассасываются гораздо дольше. Я их проглатываю, и меня тут же выворачивает. Я могу делать лишь крошечные сиплые вдохи. Бегу к бежевому телефону на стене и набираю 911. Скорая приезжает через несколько минут, но мне они кажутся длиннее тех тринадцати лет, что я живу на этой земле. Я смотрю в зеркало на свое залитое слезами лицо, пытаюсь перестать реветь, потому что дышать мне от этого только сложнее. Но слезы катятся сами собой.

В карете скорой помощи по дороге в больницу мне дают игрушечного медвежонка. Я прижимаю его к себе, словно новорожденного.

Мама хмурится, но в то же время испытывает облегчение.

— Торт был посыпан колотым грецким орехом. Я испекла его для коллеги, — говорит мама. Она смотрит на медвежонка, которого я обнимаю. — Я забыла оставить тебе записку.

* * *

Я провела достаточно времени в католических соборах, чтобы знать, что значит закрывать на что-то глаза. Моя семья в этом преуспела, хотя, может, и нет. Иногда наши тщательно скрываемые секреты высовываются наружу. И тогда очень легко о них споткнуться.

Тишина в церкви не всегда умиротворяет. Она подчеркивает даже самый незначительный звук — приглушенный кашель или скрипящее колено, — эхом разносящийся по храму Божьему. Здесь нельзя оставаться полностью самим собой. Приходится вылушивать себя, как стручок.

В школе же все ровно наоборот. Я как раз слишком предоставлена сама себе, потому что эта чрезмерность — мой способ заявить, что я все еще здесь. Та я, которая настоящая, а не та я, которой он хочет меня видеть.

Меня может стошнить от чего угодно. Я по несколько раз в неделю выбегаю из кабинета биологии, и учительница идет за мной в женский туалет и протягивает мне салфетки, которые скребут по моим щекам, как наждачная

бумага. Я отсиживаюсь в кабинете медсестры, когда мне невозможно быть в окружении людей.

* * *

Вот как звучит тишина, когда он теряет терпение. После того как я, в приступе смелости, кричу ему в ответ: «Ты НЕ МОЙ отец!»

Она звучит как яйцо, которое разбивают о краешек фарфоровой миски. Она звучит как кожура апельсина, которую отрывают от фрукта. Она звучит как приглушенный чих в тишине церкви.

* * *

Хорошие девочки ведут себя тихо.

Плохие же вынуждены стоять, преклонив колена, на рисовых зернах, и жесткие зернышки впиваются им в колени. Во всяком случае, так мне рассказывает бывшая коллега, которая ходила в католическую школу для девочек в Бруклине. Монахини предпочитали именно такой вид телесного наказания.

Хорошие девочки не срывают занятий.

Плохих же вызывают к директорше так часто, что она завела для них специальную коробку с бумажными платками. Плохие девочки разговаривают с полицейским, патрулирующим школу. Они крутят платок в руках до тех пор, пока тот не начинает крошиться, как кекс.

Хорошие девочки смотрят полицейскому прямо в глаза. Они провожают взглядом секундную стрелку часов, висящих на стене. А потом говорят: «Все нормально. Не нужно

разговаривать с моим отчимом и мамой. Это все только осложнит».

* * *

Тишина — это то, что заполняет пространство между мамой и мной. Все то, что мы не сказали друг другу, потому что это слишком болезненные вещи, чтобы говорить о них вслух.

Что я хочу сказать: «Мне нужно, чтобы ты мне верила. Мне нужно, чтобы ты меня выслушала. Мне нужна ты».

Что я говорю: ничего.

Ничего, пока я не скажу всего. Но проговорить все, что случилось, недостаточно.

Она по-прежнему замужем за ним. И пропасть между нами становится только больше.

* * *

Моя мать видит призраков. И всегда видела. Мы в Мартас-Винъярд*, и я торчу дома с младшим братом; де-факто я работаю его нянькой, пока взрослые уехали в город поесть жареных моллюсков и чего-нибудь выпить. Сегодня непривычно прохладный августовский вечер, и воздух такой неподвижный, как будто он задержал дыхание. Я сижу рядом с братом на кровати, пытаюсь уложить его спать. И вдруг я слышу какой-то звук, в комнате кто-то есть,

* Мартас-Винъярд (Martha's Vineyard — Виноградник Марты) — остров недалеко от штата Массачусетс. Благодаря сохранившемуся здесь патриархальному укладу и нетронутой природе стал излюбленным местом отдыха нью-йоркцев и бостонцев. *Прим. перев.*

и этот кто-то дышит мне в ухо. Окна при этом закрыты. Здесь никого нет. Я вскрикиваю и отпрыгиваю от кровати.

Когда мама заходит в комнату, я ей тут же все рассказываю.

— У тебя всегда было хорошо развито воображение, Миш, — говорит она весело, своим смехом смывая мой страх, как волна, набегающая на берег, уносит щербатые ракушки в море.

Но через несколько дней после того, как мы уехали с острова, она доверительно сообщает мне:

— Однажды ночью я проснулась от того, что кто-то сидел у меня на груди. Я не хотела тебе рассказывать, пока мы были там. Не хотела тебя пугать.

В тот вечер я сижу на полу в своей комнате, устроившись в своем писательском уголке, красные ручки комода упираются мне в спину, я думаю о маминых призраках, о ее лице, о доме. Доме, где с утра до вечера работает телевизор, а на столе всегда ждет еда. Где семейный ужин всегда идет коту под хвост, если я сажусь вместе со всеми за столом, и поэтому отчим требует, чтобы я ела отдельно. Где бросаются вазами — разбиваясь, они с таким грохотом падают на деревянный пол, что это звучит как музыка, мягкая и в то же время резкая. Я думаю о доме, где ружья моего отчима выставлены на всеобщее обозрение за стеклом, а его пистолет спрятан под грудой рубашек в шкафу. Доме, вокруг которого я ползаю на корточках между сосен, подбирая собачье дерьмо. Где есть бассейн, хотя мы с мамой умеем плавать только по-собачьи. Где отчим делает мне шкатулку своими руками, а мать учит хранить все мои секреты при себе.

* * *

Теперь я сама покупаю себе бенадрил и всегда ношу его с собой. В последнее время мы с матерью общаемся преимущественно через наш семейный групповой чат, в котором помимо нас двоих есть еще моя старшая сестра: она делится фотографиями моей племянницы и племянника. Джоуи сидит в своем детском автомобиле Cozy Coupe и улыбается в камеру, не выпуская руль из рук.

И вот однажды я все же делаю попытку достучаться до мамы.

— В эти выходные я еду к бабушке. Может, ты сможешь приехать ко мне, пока я здесь?

Она не отвечает.

Я пишу ей сообщение, а не звоню, потому что она может находиться сейчас с ним в одном помещении. Предпочитаю делать вид, что его не существует вовсе. И у меня получается. Как тогда с моими сломанными побрякушками в старой шкатулке — я просто закрываюсь от реальности крышкой.

Я жду от нее ответа; может, какого-то объяснения, почему она не может выбраться на встречу со мной. Когда бабушка забирает меня со станции, я втайне надеюсь, что мама с ней в машине — устроила мне приятный сюрприз.

Я проверяю сообщения на телефоне и размышляю о коллажах, которые когда-то собирала, вырезая их из старых номеров National Geographic, Family Circles и каталогов Sears: реклама томатного супа Campbell соседствовала с леопардом и половиной какого-нибудь заголовка типа

«Десять Советов Для». Даже когда я была ребенком, меня успокаивали незаконченные, нелепые коллажи. Они давали мне ощущение, что в этой жизни возможно все. Нужно только начать.

Ее машина так и не появилась. И ответ на мое сообщение так и не пришел.

Ферма моей матери, находящаяся в двух часах езды от моего родного города, была построена солдатом, воевавшим за независимость США. Конечно же, в этом доме живут призраки. Несколько лет назад мама разместила на Facebook фотографию заднего двора, утопающего в зелени: на ней видны небольшие шары, похожие на внеземные объекты.

«Я люблю тебя дальше Солнца, Луны и звезд», — говорила она мне, когда я была маленькой. Но я хочу, чтобы она любила меня здесь. Сейчас. На Земле.